

Анна Комнина и поэзия скальдов

Митрофанов Андрей Юрьевич

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Митрофанов А. Ю.* Анна Комнина и поэзия скальдов // Богослов. 2025. № 1 (5). С. 87-106. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.33.60.005

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме источников «Алексиады», автором которой является Анна Комнина (1083–1153/54), дочь императора Алексея I (1081–1118). В статье исследуются скандинавские источники, содержащие сюжеты древнегерманских саг и эпической поэзии скальдов. Автор приходит к выводу о влиянии этих источников на творчество византийской принцессы. Примерами такого влияния являются рассказ о подвиге лангобардской аристократки Гаиты в битве при Диррахии в октябре 1081 г., а также литературная новелла о морском путешествии Боэмунда Тарентского в гробу. История подвига Гаиты перекликается со скандинавскими преданиями об Асе и Ладгерде, а также с рассказом Никиты Хониата о «новой Пентесилее» – немецкой принцессе, участнице Второго крестового похода. Делаются выводы как о знакомстве Анны Комниной с памятниками скальдической поэзии, так и о традиции использования памятников устного эпоса предшественниками Анны Комниной в византийской историографии, в частности Прокопием Кесарийским.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Анна Комнина, Алексиада, Гаита, Аса, Ладгерда, Боэмунд Тарентский, Прокопий Кесарийский

ἡ τοῦ Ῥομλέρτου σύνευνος αὐτῶ
 συστρατευομένη,
 Παλλάς ἄλλη κἀν μὴ Ἀθήνη,
 θεασαμένη τοὺς φεύγοντας δρῆμὶ τούτοις
 ἐνατενίσασα
 (Anna Comnena. Alexias. IV. 6. 5).

Inter quas affuit et Lathgertha, perita bellandi
 femina, quae virilem in virgine animum
 gerens immisso humeris capillicio prima inter
 promptissimos dimicabat
 (Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. IX. 4. 2).

Анна Комнина (1083–1153/54) — дочь императора Алексея I (1081–1118), создавшая в 1147–49 гг. панегирическое описание жизни своего отца, использовала в работе самые разные источники. Я. Н. Любарский в свое время доказал, что, описывая деяния Роберта Гвискара, Анна опиралась на утраченный источник норманнского происхождения, известный поэту Вильгельму Апулийскому, автору поэтического жизнеописания Роберта Гвискара, написанного им на латинском языке¹. При этом исследователь сделал, с нашей точки зрения, ошибочный вывод о том, что Анна не знала латыни и пользовалась при написании «Алексиады» (в середине XII в.) консультациями епископа Бари, который в эпоху Роберта Гвискара мог быть в лучшем случае подростком. Оставляя в стороне дискуссию о том, знала ли Анна латинский язык, и если да, то в какой степени, отметим, что Г. Г. Литаврин также отмечал знакомство Анны с неизвестной латинской хроникой, описывающей деяния Роберта Гвискара, следы которой содержатся в «Стратегиконе» Катакалона Кекавмена, современника Роберта Гвискара, писавшего свой труд в период правления императора Михаила VII Дуки (1071–1078). По мнению исследователя, этот неизвестный источник был использован сицилийским хронистом Гоффридом Малатеррой², а также, добавим, в исследованной Фердинандом Шаландоном хронике Амато

¹ Любарский Я. Н. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. 1964. Т. 25 (50). С. 99–120.

² Катакалон Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века, пер. комм. Г. Г. Литаврина, СПб.: Алетей, 2003. С. 202–203, 438.

из Монте-Кассино³. В историографии, посвященной Анне Комниной, общепризнано, что основными источниками порфирородной принцессы были сохранившиеся «записки» ее мужа, Никифора Вриенния, а также не дошедшие до нас воспоминания военачальников императора Алексея I: Георгия Палеолога и Татикия, на что намекает сама Анна⁴. Подробные описания боевых эпизодов, связанных с ее отцом, и воспевание его боевых подвигов делают сочинение Анны Комниной не только литературной обработкой военных мемуаров⁵, но в первую очередь политическим памфлетом, направленным против политики племянника Анны, императора Мануила I (1143–1180), который в конце 1140-х гг. активно заигрывал с крестоносцами⁶. При этом порфирородная принцесса приводит в своем труде подлинные документы императорской канцелярии, что свидетельствует о ее обширном кругозоре и знакомстве с дипломатическими архивами империи⁷. Вместе с тем в «Алексиаде» присутствуют интересные фрагменты, которые не привлекали достаточного внимания исследователей, но могут быть интерпретированы как свидетельства знакомства Анны Комниной, возможно через посредничество латинских хроник, с сюжетами поэзии скальдов, что имеет

³ *Chalandon F.* Histoire de la Domination normande en Italie et en Sicilie, Vol. I. Paris, 1907. P. 247.

⁴ *Annae Comnenae Alexias* / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; New York, 2001. T. III. S. 452.

⁵ *Macrides R.* The Pen and the Sword: Who wrote the Alexiad? // Anna Komnene and Her Times. New York, London, 2000. P. 63–81; *Reinsch D.* Women's Literature in Byzantium? The Case of Anna Komnene // Anna Komnene and Her Times. New York, London, 2000. P. 83–105; *Sinclair K.* Anna Komnene and Her Sources for Military Affairs in the Alexiad // *Estudios Bizantinos*. 2014. № 2. P. 143–185.

⁶ *Frankopan P.* Perception and Projections of Prejudice: Anna Comnena the Alexiad and the First Crusade // *Gendering the Crusades*. New York, 2002. P. 69; *Magdalino P.* The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-twelfth Century in the Alexiad // Anna Komnene and Her Times / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 15–44; *Lilie R.-I.* Der Erste Kreuzzug in der Darstellung Anna Komnenes / *Varia II*. *Ποικίλα Βυζαντινά* 6. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1987. S. 49–148.

⁷ *Neville L.* Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford, 2016. P. 15–29; *Buckley P.* The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge, 2014. P. 44–167; *Neville L.* Lamentation, History and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2013. N 53. P. 192–218; *Howard-Johnston J.* Anna Komnene and the Alexiad, in Alexios I Komnenos, I (Papers of the Second Belfast Byzantine International Colloquium, 14–16 April 1989) / Ed. M. Mullett, D. Smythe. Belfast, 1996. P. 260–302.

важное значение для изучения византийско-скандинавских культурных отношений, которые приобрели на исходе эпохи викингов (начиная со второй четверти XI в.) чрезвычайно интенсивный характер.

Первый подобный фрагмент обнаруживается в повествовании Анны Комниной о событиях первой войны Алексея I с норманнами. Армия Алексея подошла к Диррахию, осажденному норманнами, в середине октября 1081 г. Несмотря на мнение некоторых военачальников, в частности Георгия Палеолога о том, что необходимо отказаться от атаки норманнских позиций и лучше блокировать лагерь Роберта Гвискара с суши, император прислушался к мнению горячих голов. Было решено атаковать Роберта утром 18 октября 1081 г. Варяги из гвардейского отряда Намбита отбили атаку конных и пеших норманнов из отряда Амико, графа Джовинацо, отбросили неприятеля в море и вклинились в боевые порядки главных сил армии Роберта. Вдоль берега курсировали союзники Алексея — легкие гребные венецианские корабли, экипажи которых расстреливали беглецов из луков и при помощи греческого огня. Но обратившиеся в бегство норманны из отряда Амико были остановлены графиней Гаитой (Сешельгаитой), супругой Роберта, которая бросилась в гущу схватки верхом на коне с копьем наперевес, подобно Палладе. При этом Анна Комнина избегает сравнивать Гаиту непосредственно с древнегреческой богиней и делает примечательную оговорку: «Παλλὰς ἄλλη καὶ μὴ Ἀθήνη», то есть порфирородная писательница тем самым с легкой иронией подчеркивает дикий, «варварский» характер действий Гаиты, которая, обладая доблестью, при этом лишена божественной мудрости, которую олицетворяет Афина в древнегреческой мифологии. Роберт, заметив, что варяги вымотаны непрерывным маршем, боем и тяжестью оружия, бросил своих рыцарей в контратаку. В результате варяги были разгромлены и часть их забаррикадировалась в церкви Архистратига Михаила, где доблестные воины были сожжены подоспевшими норманнскими рыцарями⁸. Этот знаменитый эпизод, рассказанный Анной Комниной, вероятно, со слов Георгия Палеолога, вполне заслуживает доверия. Англосаксы

⁸ *Annae Comnenae Alexias*. T. I. S. 133–134.

и английские даны, служившие в варяжской гвардии, вполне могли мечтать свести счеты с завоевателями их страны, поэтому потеряли осторожность и ринулись в самоубийственную атаку на норманнов.

Героическое поведение лангобардской аристократки Гаиты, жены Роберта, в описании Анны Комниной не вызывает сомнений или удивления. В то время подобное поведение весьма характерно для знатных дам — представительниц западноевропейского высшего общества. Воинственностью отличались многочисленные старшие и младшие современницы Гаиты. Среди них достойны упоминания Матильда, маркграфиня Тосканская, одержавшая победу над войсками германского императора Генриха IV в битве при Вольта-Мантоване в 1083 г., императрица Матильда Норманнская, завоевавшая корону Англии в 1140-е гг., Ида, маркграфиня Австрийская, принимавшая участие в Первом крестовом походе, донья Уракка, королева Кастильская, и, наконец, прославленная Элеонора Аквитанская, королева Франции и Англии.

Бесспорно, истоки подобного поведения знатных аристократок XI–XII вв. следует искать в высоком социальном статусе женщины в древнем германском обществе, который констатировал еще Тацит и которое было связано с пережитками родовых отношений (Tacitus. Germ. VIII)⁹. Подобный статус неоднократно находил отражение в мифологической традиции германцев, в частности скандинавов, которая формировала мировоззрение и систему воспитания в знатных норманнских семьях. Мифологические героини, такие как Климхильда и Брюнхильда из «Песни о Нибелунгах» (das Nibelungenlied), а также реальные исторические персонажи, такие как святая Хельга (Ольга), княгиня Киева, были воспеты в эпической и летописной традиции. Эти персонажи сохраняли свое влияние в семейных преданиях германской знати даже тогда, когда после принятия христианства и в результате социально-политического развития норманнов дружина викингов трансформировалась в рыцарское сословие по образцу класса профессиональных воинов Германии и Франции. Никита Хониат, родившийся вскоре

⁹ Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. М., СПб., 2018. С. 45–57.

после кончины Анны Комниной, описывая армию германского короля Конрада III Штауфена (1138–1152), проходившую в 1147 г., во время Второго крестового похода, по территории Византийской империи, отмечал, что в войске Конрада были знатные дамы, подобные древним амазонкам. Эти дамы ездили верхом, носили доспехи и оружие, чем изрядно шокировали ромейских аристократок, еще воспитанных в духе «Домостроя» Катакалона Кекавмена.

Особенно выделялась среди этих дам одна всадница, судя по всему, какая-то принцесса из династии Штауфенов, которую Никита Хониат называет новой Пентесилеей¹⁰. Но возможно также, что Никита Хониат, не являвшийся современником Второго крестового похода, использовал дипломатические документы, в которых описывалось прибытие в Византию Элеоноры Аквитанской, в то время королевы Франции, восседавшей на коне, которая и вызвала у ромеев ассоциации с царицей амазонок Пентесилеей. Подобное зрелище могла наблюдать в 1147 г. и сама Анна Комнина, трудившаяся в это время над созданием «Алексиады». Византийская литературная традиция была хорошо знакома с образом женщины-воительницы благодаря влиянию античной литературы — истории Пентесилеи Арктина Милетского, массагетской царицы Томирис Геродота, сарматской царицы Амаги и меотской княжны Тиргатао у Полиена были популярны среди византийской образованной публики¹¹. В качестве примера подобной популярности можно упомянуть поединок Дигениса Акрита и арабской княжны Максимо, мчавшейся на вороном арабском скакуне с копьем наперевес, о котором повествует сам Дигенис Акрит в знаменитой византийской рыцарской поэме X–XI вв.¹². Кроме того, гунно-сарматские традиции всадничества оказали сильное влияние на византийскую военную науку в период Великого

¹⁰ Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. L. Dieten. Berlin; New York, 1975. (CFHB; II). Vol. I. P. 60.

¹¹ *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао. Одесса, 1914. С. 3–22 (То же: Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1915. № 32. С. 58–77).

¹² Digenis Akritis: The Grottaferrata and Escorial Versions. Cambridge, 1998. P. 194; Дигенис Акрит / Пер. и комм. А. Я. Сыркина. М., 1994. С. 104.

переселения народов, перенимались эти традиции также готами и франками¹³.

Однако описание подвига Гаиты, созданное Анной Комниной, слишком детально и непосредственно связано с конкретным эпизодом битвы при Диррахии, чтобы быть обычной данью древней литературной традиции. Сомнительно, чтобы Георгий Палеолог в своих воспоминаниях объяснял поражение армии ромеев храбростью «варварки», которая смогла вдохнуть мужество в души норманнских рыцарей. Что же представляла собой армия императора Алексея, если ее воины дрогнули перед лицом женщины и упустили уже почти одержанную победу? Более правдоподобно предположение, что Анна Комнина почерпнула рассказ о подвиге Гаиты из норманнских источников, авторы которых ничего не знали ни об Афине Палладе, ни о древнегреческих амазонках. Для норманнов было характерно восторгаться доблестью своих королей, а кроме того, *chanson de gestes*, посвященная Гаите, могла быть составлена каким-либо рыцарем из числа ее сторонников уже после смерти Роберта Гвискара (†1085), в период борьбы ее сына Рожера Борсы против Боэмунда Тарентского. Известно, что сохранившиеся норманнские эпические произведения, такие как «Песнь о Роланде» Турольда или «Деяния Роберта Гвискара» Вильгельма Апулийского, унаследовали определенные фольклорные элементы, характерные для скандинавской скальдической поэзии. Прежде всего эти элементы обнаруживаются в натурализме описаний поединков и увечий, наносимых воинам. Вероятно, подобные элементы не были единственными. Образ Гаиты, которая на коне с копьем наперевес увлекает в атаку норманнских рыцарей, находит параллели и соответствия в поэзии скальдов, созданной в эпоху викингов. Впрочем, не исключено, что Гаита как лангобардская аристократка была воспитана на древних лангобардских сказаниях, восходивших к эпохе переселения лангобардов из Скандинавии, в которых также отражались древние скандинавские культурные архетипы. Этим обстоятельством может объясняться как ее доблесть на поле боя, так

¹³ *Симоненко А. В.* Сарматские всадники северного Причерноморья. К., 2015. Изд. 2-е. С. 334; *Шукин М. Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 25–89.

и последующая политическая деятельность, связанная с отравлением мужа и попыткой отравления пасынка Бозмунда Тарентского, о чем сообщает Ордерик Виталий¹⁴.

Скальдическая традиция знает два хрестоматийных примера женщин-воительниц. Первый пример такого рода предлагает биография Асы Харальдсдоттир, королевы Агдера (южная Норвегия), жившей предположительно в эпоху правления византийского императора Феофила (829–842). Предание об Асе Агдерской содержится в «Саге об Инглингах» (XLVIII) и в «Саге о Хальвдане Черном» (I), вошедших в сборник исландского скальда Снорри Стурлусона (1178–1241) «Круг Земной». По преданию, Аса была захвачена конунгом Гудредом Великолепным, который до этого сватался к Асе, но получил отказ ее отца, конунга Харальда Рыжебородого. Ночью воины Гудреда высадились со своих драккаров и атаковали усадьбу Харальда, который пал в битве вместе с сыном Гюрдом, братом Асы. Затем Гудред женился на Асе и у них родился сын Хальвдан. Но Аса не смирилась с насилием. Когда Хальвдану исполнился год, пьяный Гудред пал от удара копья слуги Асы, которая не скрывала своей причастности к убийству мужа. Аса уплыла вместе с маленьким сыном в Агдер, где стала управлять владениями своего отца¹⁵. Археологи предпринимали попытки отождествления захоронения знатной скандинавской женщины, найденного в Осебергской ладье и датированного периодом около 834 г., с Асой, королевой Агдера.

Вторым ярким примером женщины-воительницы в скандинавской традиции является образ норвежской королевы Ладгерды (Латгерты), жены мифического датского конунга Рагнера Лотброка (†865). Биография Ладгерды кратко изложена в латинском сочинении Саксона Грамматика (1150–1220), который пересказал в своем труде многочисленные несохранившиеся скандинавские саги. Как повествует Саксон Грамматик: «Среди них (викингов) была и одна опытная в ратном деле женщина по имени Ладгерда, которая имела мужественное сердце, хотя и была лишь девушкой. С распущенными по плечам волосами

¹⁴ Orderici Vitalis Historiae Ecclesiasticae Libri tredecim / Éd. par A. Le Prevost. Paris, 1845. Vol. 3. P. 181–182.

¹⁵ Снорри Стурлусон. Круг Земной. Сага об Инглингах, Сага о Хальвдане Черном. М., 1980. С. 32, 34.

она сражалась в числе первых среди самых отважных воинов. Все восхищались ее непревзойденными подвигами, так как ее развевавшиеся за спиной волосы выдавали, что она женщина. Расправившись с убийцей своего деда, Рагнер принялся настойчиво расспрашивать у своих воинов об этой девушке, на которую он обратил внимание, когда она сражалась в первых рядах во время боя, признав, что *лишь сила этой женщины принесла ему сегодня победу* (*unius feminae viribus victoriam sibi constitisse professus*). Узнав, что она принадлежит к весьма известному среди варваров роду, он сразу же отправил к ней своих сватов. Девушка делала вид, будто согласна, но в глубине души отнеслась к его сватовству с презрением. Внушив своим ложным ответом пылкому жениху уверенность в осуществлении его желания, она велела привязать в своей прихожей медведя и пса, чтобы при помощи этих хищных зверей преградить влюбленному путь в свою спальню. Рагнер, воспряв духом от благоприятного ответа, сел на свой корабль и переплыл через море. Велев своим спутникам оставаться в Гелердале, он в одиночку вошел в дом девушки. Там его и встретили эти звери, но одного из них он пронзил своим копьем, а другого схватил за шею и задушил, сомкнув свои пальцы на его горле. Наградой за преодоленные им опасности стала сама девушка. От брака с ней у Рагнера родились две дочери, чьи имена не сохранились, и сын Фридлев»¹⁶. Сообщение Саксона Грамматика о Рагнере, который признает, что викинги одержали победу над врагами исключительно благодаря доблести Ладгерды, очевидным образом перекликается с рассказом Анны Комниной о Гаите, которая своей храбростью воодушевила бегущих норманнских рыцарей и переломила ход сражения.

Позднее Рагнер развелся с Ладгердой, чтобы жениться на другой женщине. Но в минуту опасности «Ладгерда, которую все еще переполняла любовь к нему (Рагнеру), поспешно прибыла [в Данию] вместе со своим [новым] мужем и сыном. Она привела флот в сто двадцать кораблей на помощь тому, кто так недавно отверг ее»¹⁷. Впоследствии «Ладгерда, в чьем

¹⁶ *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum / Hrsg. v. A. Holder. Strassburg, 1886. P. 301; Саксон Грамматик. Деяния данов / Пер. с лат. А. С. Досаева. М., 2017. Т. I. С. 323.*

¹⁷ Там же. С. 325.

нежном теле скрывался несравненно более суровый дух, *примерами своей выдающейся отваги смогла уберечь своих уже было дрогнувших воинов от желания бежать. Совершив обходной маневр, она вышла в тыл ничего не подозревавшего врага, посеяв в его лагере страх и смятение* (trepidantis militiae studium specioso fortitudinis exemplo contextit. Militari namque discursu inopinatum terga circumvolans socialem metum in hostilia castra conertit). Под конец войско Харальда пришло в замешательство, а сам он, видя гибель своих воинов, бежал. Вернувшись после боя домой, Ладгерда ночью вонзила в горло своего мужа накопчик копья, который она спрятала в своем платье, присвоив таким образом себе всю его власть и звание. Эта своенравная женщина считала для себя более удобным править королевством без мужа, чем быть вынужденной делить его с ним»¹⁸. Описание подвига Ладгерды Саксоном Грамматиком вновь совпадает с рассказом Анны Комниной о подвиге Гаиты. Причем обходной маневр викингов Ладгерды и выход в тыл неприятелю находит литературную (возможно, также историческую) параллель в контратаке норманнских рыцарей, воодушевленных Гаитой, во фланг византийской армии, где располагались варяги Намбита. Возможно, норманнский рыцарь — автор *chanson de gestes* о Гаите, которую пересказала Анна Комнина, знал сагу о Ладгерде и описал подвиг Гаиты, опираясь на скандинавский эпический канон.

Свидетельства о женщинах-воительницах можно найти и в других скандинавских сагах, например в «Гренландских речах Атли», которые содержат следующий фрагмент о до- блестной Гудрун¹⁹:

¹⁸ Там же. С. 327.

¹⁹ Sá þá sælborin,
at þeir sárt léku,
hugði á harðræði
ok hrauzk ór skikkju;
nökðan tók hon mæki
ok niðja fjör varði,
hæg var-at hjaldri,
hvares hon hendr festi.

Увидела знатная:
беда угрожает —
задумала смелое,
сбросила плащ,
меч обнажила,
родных защищая, —
трудна была схватка
воинов с нею!²⁰.

Данные археологии подтверждают существование у викингов женщин-воительниц. Об этом свидетельствует, в частности, погребение воительницы из Бирки (Bj.581) с оружием, открытое в 1889 г. и датированное X в. Рядом с костяком были обнаружены меч, копьё, боевой топор, бронебойные стрелы, боевой нож, два щита и два коня: кобыла и жеребенок. Генетические исследования 2017 г. доказали, что найденные останки принадлежат женщине²¹.

В существовании у викингов пережитков матриархата, которые порой выражались как в участии знатных женщин в войнах, так и в прецедентах самостоятельного женского правления, нет ничего удивительного. В VIII–XI вв. скандинавы переживали стадию медленного разложения родового строя на фоне постоянных войн и активных миграций, и это обстоятельство способствовало консервации некоторых архаических элементов общественной организации, которые были характерны для германцев эпохи Тацита. Примечательно, что похожее явление исследователи наблюдают у представителей кочевых обществ Античности и раннего Средневековья. Сарматы, гунны и монголы прочно сохранили традиции матриархата и женского участия в военно-политической жизни вплоть до

²⁰ Гренландские речи Атли. 49 / Пер. А. И. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Художественная литература, 1975. С. 321.

²¹ Price N. Viking warrior women? Reassessing Birka chamber grave Bj.581 // *Antiquity*. 2019. Vol. 93 (367). P. 181–198; *Hedenstierna-Jonson Ch., Kjellström A., Zachrisson T. e.a. A female Viking warrior confirmed by genomics // American Journal of Physical Anthropology*. 2017. Vol. 164 (4). P. 853–860.

Средневековья²². Причем у сяньбийцев и киданей эти традиции существовали даже в период господства этих монгольских племен в оседлом патриархальном Китае²³.

Пример Гаиты свидетельствует о том, что социокультурное явление, осознанное Анной Комниной как живое воплощение древнегреческой мифологии (которая, впрочем, также запечатлела элементы матриархата у древних ахейцев, выражавшиеся в культе Афины Промахос), продолжало оказывать влияние на общественный уклад потомков скандинавов почти два века спустя после их поселения в Нормандии. Это влияние выразилось в создании эпического произведения о подвигах Гаиты, написанного, по-видимому, на старофранцузском языке, с которым была знакома Анна Комнина.

Второй фрагмент, свидетельствующий о знакомстве Анны Комниной с традицией скальдической поэзии, представляет собой приключенческую новеллу о путешествии Боэмунда Тарентского из Антиохии в Южную Италию в начале второй византийско-норманнской войны императора Алексея I, в ноябре 1104 г. Анна Комнина подробно рассказывает о том, как Боэмунд распустил слухи о своей смерти, приказал соорудить для себя гроб, лег в этот гроб и провел в нем все время, пока капитан его корабля, опасавшийся появления византийской эскадры, прокладывал курс до Корфу, а оттуда в Бари. Для того чтобы инсценировка была более правдоподобна, Боэмунд зарезал петуха и положил в гроб рядом с собой. Смерд разлагавшейся мертвечины убеждал моряков, что они везут труп Боэмунда²⁴.

²² Граков Б. Н. Гундаккратоуцевои (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121; *Menchen-Helfen O.* The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London: California University Press, 1973. P. 414.

²³ Худяков Ю. С. Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и Средние века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2017. С. 80–88; *Müller S.* Horses of the Xianbei, 300–600 AD: A Brief Survey // *Pferde in Asien: Geschichte, Handel und Kultur. Horses in Asia: History, Trade and Culture* / Ed. B. G. Fagner, R. Kauz, R. Ptok, A. Schottenhammel. 2009. P. 181–193, 284–288; *Hang L.* Empresses Dowagers on Horseback: Yingtian and Chengtian of the Khitan Liao (907–1125) // *Acta Orientalia Hungarica*. 2020. Vol. 73 (4). P. 585–602.

²⁴ *Annae Comnenae Alexias*. B. I. S. 356–357.

Многие исследователи ставили под сомнение историчность этого рассказа Анны, ссылаясь на то, что тема мнимой смерти, положения во гроб живого конунга, который в решающий момент «воскресает» и обрушивает меч на опешивших врагов, представляет собой устойчивый мифологический сюжет скандинавских саг, повторявшийся в поэзии скальдов из поколения в поколение. Один из вариантов подобного сюжета зафиксирован, в частности, в хронике Вильгельма Жюмьежского под названием «Деяния норманнских герцогов»²⁵. В рассказе Вильгельма конунг данов по имени Гастинг, который руководил знаменитым походом викингов на побережье Испании в 859–862 гг., вместе с Бьерном Железнобоким захватывает город Луну на побережье Лигурии, ошибочно полагая, что Луна — это Рим. Подойдя к городу на своих драккарах, Гастинг обещает местному епископу принять крещение и затем высаживает на берег свою дружину. После совершения таинств Крещения и Миропомазания местным епископом в присутствии графа города, ставшего восприемником Гастинга, конунга уносят на драккар, а ночью вдруг становится известно, что благочестивый неофит умер. Его полагают во гроб и во гробе приносят в церковь другие викинги, которые, как и сам почивший, прячут под туниками доспехи. В решающий момент, когда епископ в присутствии горожан совершает заупокойную мессу по почившему, Гастинг распахивает крышку гроба и выскакивает наружу. Начинается резня, в ходе которой викинги умерщвляют епископа, преломляющего гостию, графа и горожан, не щадя ни юношей, ни стариков. Храм превращается в кровавый театр.

Другой, более мифологизированный вариант этого сюжета представлен в древнерусской «Повести временных лет» в виде знаменитой легенды о гибели конунга Хельгу — князя Олега Вещего. Хельгу узнает от волхва о том, что примет смерть от своего любимого коня, а потом погибает от укуса змеи, которая выползает из черепа умершего коня в тот момент, когда Хельгу проливает над ним слезы. «Бе по преже въпрошалъ волхвовъ и кудесникъ: “От чего ми есть умрети?” И рече ему один кудесникъ: “Княже! Конь, егоже любиши, и ездиши на немъ, от

²⁵ *Guilelmus Gemeticensis, Gesta Normannorum Ducum* / Ed. J. Marx. Paris, 1914. P. 16.

того ти умереть»²⁶. Эта летописная легенда более известна в поэтическом переложении А. С. Пушкина:

...Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?..

Легенда о смерти Олега Вещего находит прямую параллель в исландской саге о Орваре Одде или об Одде Стреле и его коне по имени Факси, записанной в XIII в.²⁷, а также в английской легенде о сэре Роберте де Шурланде, который умер в 1310 г. от того, что наступил на осколок черепа убитого им коня, смерть от которого была ему предсказана колдуньей²⁸. Как полагает Ю. А. Соколов, за летописной легендой о смерти Олега Вещего скрывается реальная история предательства конунга Хельгу своими дружинниками, возможно Свенельдом или кем-то иным, связанным со славянской родоплеменной знатью Киева, в 912 г.²⁹ Любимый конь играет в данном случае ту же самую роль, которую играл конунг Гастинг в том варианте сказания, который запечатлел Вильгельм Жюмьежский. Под видом коня скрывается воин, который входит в доверие к своему врагу, притворяется мертвым, а затем наносит смертельный удар. Возможно, Анна Комнина слышала в Константинополе от стратигов своего отца или от аколуга варяжской гвардии Намбита, участника битвы при Диррахии в 1081 г., какой-либо из вариантов рассматриваемой легенды, который она затем трансформировала в легенду о путешествии Боэмунда во гробе. Но несомненно, что сама эта легенда родилась в среде варягов, служивших византийским императорам, как своеобразное эпическое предание, под влиянием устойчивого сюжета скальдической поэзии. Позднее Анна Комнина записала легенду, наполнила ее новым содержанием,

²⁶ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси XI–XII века / Под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1997. Т. I. С. 90.

²⁷ Сага об Одде Стреле / Пер. Г. В. Глазыриной // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова, М., 2009. Т. V. С. 258–266.

²⁸ *Окиотт* Э. Рыцарь и его замок. Средневековые крепости и осадные сооружения. М.: Центрполиграф, 2007. С. 64–65.

²⁹ Мы благодарим уважаемого Юрия Алексеевича Соколова за лекции по истории Древней Руси, в которых он любезно поделился с нами своими выводами в форме устной консультации.

включив ее в свое историческое повествование о Боэмунде. При этом мы не должны исключать и того, что сам Боэмунд, будучи отдаленным потомком скандинавов, мог знать этот эпический сюжет, а потому решил столь своеобразно повторить его на практике. В таком случае Анна Комнина поведала нам любопытную деталь, характеризующую норманнского полководца как ценителя героического скандинавского эпоса.

Была ли Анна Комнина как писательница независима и оригинальна, заимствуя различные мотивы скандинавской эпической традиции? С нашей точки зрения, у порфирородной принцессы был выдающийся предшественник, который активно использовал сведения устной традиции, в частности эпоса, для описания действующих лиц своего исторического повествования. Этим предшественником следует признать Прокопия Кесарийского, историка эпохи императора Юстиниана I (527–565) и императрицы Феодоры, который, будучи по происхождению эллинизированным сирийцем, в значительной степени опирался в своей работе историка как на агиографическую традицию сирийских христиан, так и на эпическое предание персидской сасанидской династии³⁰. Примерами этого являются, например, такие эпизоды, как история встречи сирийского отшельника Иакова и персидского царя Кавада I (488–496; 500/501–531) (Procop. VP I. 7. 5–11) или история спасения Кавада женой из «замка забвения» (Procop. VP I. 6. 1–7). Однако Прокопий не ограничивается заимствованиями только из сирийских и персидских источников. Излагая читателям краткую биографию западноримского императора Майориана (457–461), Прокопий пересказывает легендарную историю тайного посещения Майорианом в разведывательных целях короля вандалов и аланов Гензериха (428–477) (Procop. BV I. 7. 6–10). Майориан будто бы притворился римским послом и посетил Карфаген *incognito* в период подготовки военной экспедиции против Гензериха. Император покрасил свои золотистые волосы в черный цвет и был принят Гензерихом как друг. Однако вандал начал запугивать «посла» и решил показать ему

³⁰ Чекалова А. А. Иешуа Стилит или Прокопий? (к вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502–506 гг.) // Византийские временник. 1981. № 42 (67). С. 71–77.

карфагенский арсенал, наполненный предметами захваченного вандалами римского вооружения. Как только собеседники вошли в небольшое помещение этого арсенала, предметы вооружения — копья, мечи-спаты, доспехи — начали двигаться и издавать странный шум. Гензерих выбежал из арсенала, решив, что произошло землетрясение.

История тайного посещения императором Майорианом Гензериха и происшествие в карфагенском арсенале представляют собой интереснейший эпизод с точки зрения критического исследования. Мотив переодевания монарха с целью тайного посещения им врагов встречается неоднократно как в римской, так и в персидской позднеантичной литературе. Например, предшественник Прокопия Кесарийского Аммиан Марцеллин рассказывает о том, как цезарь Констанций Галл, в 351–354 гг. бывший правителем римского Востока, по совету своей жены, августы Константины, дочери Константина Великого (306–337), последовал примеру императора Галлиена (253–268). Он переоделся в одежду простого обывателя и, скрывая под одеждой оружие, вместе с товарищами шатался вечерами по харчевням и злачным местам Антиохии, пользуясь знанием греческого языка и подслушивая антиправительственные разговоры декурионов (Амм. Марс. XIV. 1. 8–10). В сасанидском Иране существовал эпический роман о Шапуре II (309–379), в котором сообщалось, что этот персидский царь совершил путешествие в Рим *incognito*, но был предан персидским эмигрантом, разоблачен и по приказу римского императора зашит в ослиную шкуру. Затем Шапур был спасен рабыней-персиянкой, узнавшей о его царском происхождении, и бежал вместе с ней на родину. Позднее, в эпоху Хосрова II Парвиза (591–628), этот роман был инкорпорирован в состав познесасанидской придворной хроники *Khwadāy-Nāmag*, а в конце X в. художественно переработан Фирдоуси³¹. Возможно, Прокопий, рассказывая о тайном посещении императором Майорианом Гензериха, просто пересказал литературное произведение, которое представляло собой вариацию банального сюжета. Однако эпизод,

³¹ *Фирдоуси*. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. Т. 5: От начала царствования Искендера до начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура. М., Наука, 1984. С. 172–177.

связанный с пришедшим в движение римским оружием из карфагенского арсенала, позволяет обнаружить более глубокие истоки истории путешествия Майориана к вандалам.

Как показал Жорж Дюмезиль, древнеримская религия была пропитана представлениями о знаменьях богов. Например, из рассказа Тита Ливия известно, что в 172 г. до Р. Х., накануне Третьей Македонской войны против царя Персея (179–168 до Р. Х.), молния во время ночной грозы расколола ростральную колонну, воздвигнутую в период Первой Пунической войны в честь победы над карфагенским флотом при Коссире (254 до Р. Х.). Это знамение было в итоге истолковано гаруспиками как знак грядущих побед Рима (Tit. Liv. XLII. 20. 1–3). В Древнем Риме существовало также поверье о том, что Марс Градив приводит в движение оружие, что символизировали пляски и ритуалы жрецов салиев³². С этой точки зрения рассказ Прокопия о произвольном движении оружия карфагенского арсенала при его посещении императором Майорианом, по-видимому, является пересказом «патриотической» легенды, возникшей в Риме, в языческой среде, в период походов Майориана против бургундов (458), вандалов (458), вестготов и севов (460). Прокопий, так же как, например, его современник готский историк Иордан, испытывал в своем творчестве сильное влияние эпической и мифологической традиции, что имело значение для последующего развития византийской историографии.

Очевидно, Анна Комнина много веков спустя после Прокопия следовала его методу иллюстрировать описываемые события, обращаясь к эпическому преданию. Важной частью этого предания в эпоху Анны Комниной была поэзия скальдов, известная в Константинополе благодаря солдатам варяжской гвардии и посланникам скандинавских королей.

³² Dumézil G. La religion romaine archaïque avec un appendice sur la religion des Etrusques. Paris, 1974. P. 215–256, 597–598.

ИСТОЧНИКИ

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Художественная литература, 1975.

Дигенис Акрит / Пер. и комм. А. Я. Сыркина. М., 1994.

Катакалон Кекавмен, Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Пер., коммент. Г. Г. Литаврина, СПб.: Алетейя, 2003.

Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси XI–XII века / Под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1997. Т. I.

Сага об Одде Стреле / Пер. Г. В. Глазыриной // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова, М., 2009. Т. V. С. 258–266.

Саксон Грамматик. Деяния данов / Пер. с лат. А. С. Досаева. М., 2017.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. Сага об Инглингах, Сага о Хальвдане Черном. М., 1980.

Фирдоуси. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. Т. 5: От начала царствования Искендера до начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура. М., Наука, 1984.

Чекалова А. А. Иешуа Стилит или Прокопий? (к вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502–506 гг.) // Византийские временник. 1981. № 42 (67). С. 71–77.

Annae Comnenae Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; New York, 2001.

Digenis Akritis: The Grottaferrata and Escorial Versions. Cambridge, 1998.

Guilelmus Gemeticensis, Gesta Normannorum Ducum / Ed. J. Marx. Paris, 1914.

Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. L. Dieten. Berlin; New York, 1975. (CFHB; 11).

Orderici Vitalis Historiae Ecclesiasticae Libri tredecim / Éd. A. Le Prevost. Paris, 1845.

Saxo Grammaticus. Gesta Danorum / Hrsg. v. A. Holder. Strassburg, 1886.

ИСТОЧНИКИ

Граков Б. Н. Гуннакократорѹевои (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. №3. С. 100–121

Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. М., СПб., 2018.

Любарский Я. Н. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. 1964. Т. 25 (50). С. 99–120.

Окшотт Э. Рыцарь и его замок. Средневековые крепости и осадные сооружения. М.: Центрполиграф, 2007.

Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао. Одесса, 1914 (То же: Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1915. № 32. С. 58–77).

Симоненко А. В. Сарматские всадники северного Причерноморья. К., 2015. Изд. 2-е.

Худяков Ю. С. Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и Средние века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2017. С. 80–88

Шукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Buckley P. The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge, 2014.

Dutézil G. La religion romaine archaïque avec un appendice sur la religion des Etrusques. Paris, 1974.

Chalandon F. Histoire de la Domination normande en Italie et en Sicilie. Vol. I. Paris, 1907.

Howard-Johnston J. Anna Komnene and the Alexiad, in Alexios I Komnenos, I (Papers of the Second Belfast Byzantine International Colloquium, 14–16 April 1989) / Ed. M. Mullett, D. Smythe. Belfast, 1996. P. 260–302.

Frankopan P. Perception and Projections of Prejudice: Anna Comnena the Alexiad and the First Crusade // *Gendering the Crusades*. New York, 2002.

Hang L. Empresses Dowagers on Horseback: Yingtian and Chengtian of the Khitan Liao (907–1125) // *Acta Orientalia Hungarica*. 2020. Vol. 73 (4). P. 585–602.

Hedenstierna-Jonson Ch., Kjellström A., Zachrisson T. e.a. A female Viking warrior confirmed by genomics // *American Journal of Physical Anthropology*. 2017. Vol. 164 (4). P. 853–860.

Lilie R.-I. Der Erste Kreuzzug in der Darstellung Anna Komnenes / *Varia II. Ποικίλα Βυζαντινά* 6. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1987.

Macrides R. The Pen and the Sword: Who wrote the Alexiad? // *Anna Komnene and Her Times*. New York; London, 2000.

Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-twelfth Century in the Alexiad // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000.

Menchen-Helfen O. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London: California University Press, 1973.

Müller S. Horses of the Xianbei, 300–600 AD: A Brief Survey // *Pferde in Asien: Geschichte, Handel und Kultur. Horses in Asia: History, Trade and Culture* / Ed. B. G. Fagner, R. Kauz, R. Ptok, A. Schottenhammel. Austrian Academy of Sciences Press, 2009. P. 181–193, 284–288.

Neville L. Lamentation, History and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2013. N 53. P. 192–218.

Neville L. Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford, 2016.

Price N. Viking warrior women? Reassessing Birka chamber grave Bj.581 // *Antiquity*. 2019. Vol. 93 (367). P. 181–198.

Reinsch D. Women's Literature in Byzantium? The Case of Anna Komnene // *Anna Komnene and Her Times*. New York, London, 2000. P. 83–105.

Sinclair K. Anna Komnene and Her Sources for Military Affairs in the Alexiad // *Estudios Bizantinos*. 2014. № 2. P. 143–185.

Anna Komnena and the poetry of the Skalds

Mitrofanov Andrey Y.

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts at Louvain Catholic University, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy; Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

FOR CITATION: *Mitrofanov A. Y.* Anna Komnena and the poetry of the Skalds // Bogoslov. 2025. № 1 (5). P. 87-106. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.33.60.005

ABSTRACT The article is devoted to the problem of sources of Princess Anna Komnena (1083-1153/54), daughter of Emperor Alexios I (1081-1118) and author of the Alexiad. The author examines Scandinavian sources containing plots of ancient German sagas and epic poetry of the skalds, and comes to the conclusion about the influence of these sources on the work of the Byzantine princess. Examples of such influence are, from the author's point of view, the story about the feat of the Lombard aristocrat Gaita in the Battle of Dyrrhachium in October 1081, as well as a literary short story about the sea voyage of Bohemond of Tarentum in a coffin. The story of Gaita's feat echoes the Scandinavian legends about Asa and Ladgerd, as well as Niketas Choniates's story about the «new Penthesilea» – a German princess, a participant in the Second Crusade. Conclusions are drawn both about Anna Komnena's acquaintance with the monuments of skaldic poetry, and about the tradition of using the monuments of the oral epic by Anna Komnena's predecessors in Byzantine historiography, in particular, Procopius.

KEYWORDS: Anna Komnena, Alexiade, Gaita, Asa, Ladgerda, Bohemond of Tarentum, Procopius of Caesarea